

«КАК СТАТЬ БОЛЬШИМ?»: ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ*

© 2017

Полина Михайловна Эйсмонт

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; polina272@hotmail.com

В статье рассматривается проблема выбора творительного или именительного падежа предикативного прилагательного в депиктивной конструкции с глаголом мены состояния *стать*, а также усвоение этой конструкции русскоязычными детьми. Анализ 102 конструкций «*стать* + прилагательное в именительном или творительном падеже», выделенных методом сплошной выборки из 93 устных неподготовленных извлеченных рассказов русскоязычных детей в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев, показал, что, несмотря на то что дети к данному возрасту уже овладели основными значениями именительного и творительного падежей, процесс выбора падежной формы прилагательного в рамках единой конструкции еще находится в стадии формирования.

Привлечение данных устного подкорпуса Национального корпуса русского языка позволило выявить статистически значимую взаимосвязь между падежом предикативного прилагательного и синтаксической структурой высказывания. Взаимодействие семантических, синтаксических и коммуникативно-прагматических факторов обеспечивает сосуществование в современной устной русской речи четырех квазисинонимичных депиктивных конструкций с глаголом мены состояния *стать*, которые зависят от значения признака (имеет он временный или актуализированный характер), порядка слов и расположения коммуникативного акцента, который может выделять либо признак, либо сам процесс мены состояния. Анализ также показал, что в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев ключевым фактором для детей является значение признака: если дети принимают возможность временного характера признака, они руководствуются теми же принципами, что и взрослые носители языка, ориентируясь при выборе падежной формы на коммуникативную значимость либо признака, либо процесса мены признаков; если временный характер признака является для детей неясным, значения прилагательного и глагола вступают в противоречие и выбор падежа имеет случайный характер.

Ключевые слова: глаголы мены состояния, депиктивная конструкция, детская речь, предикативное прилагательное, творительный падеж, устная речь

“HOW TO GROW BIG”: PREDICATIVE ADJECTIVES IN RUSSIAN CHILD LANGUAGE

Polina M. Eismont

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; polina272@hotmail.com

The paper discusses the choice of adjective case in the depictive construction with the verb of the change of state *stat* ‘become’ and its acquisition by Russian native children. The analysis relies on 102 samples of this depictive construction taken from 93 oral unprepared elicited narratives of native Russian children at the age of 3 years 6 months — 4 years 11 months old. The analysis shows that despite the fact that children have already acquired the meanings of nominative and instrumental cases, the choice of a particular case in the depictive construction is still unstable.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-50114.

Comparing these data with the data of the Corpus of Spoken Russian showed that the correlation between the predicate case and the syntactic structure of utterances is statistically significant. The interplay between semantic, syntactic, and communicative parameters forms four quasi-synonymic depictive constructions with the verb *stat'* in Modern Russian. They differ in three parameters: meaning of the adjective (it may be temporal or actualized), word order, and the place of communicative focus that could be either the adjective, or the verb (the process of the change of state). The analysis shows that the meaning of the adjective is the most important parameter for children at the age between 3 years 6 months and 4 years 11 months old. If children accept the temporal meaning of the adjective, they follow the adult-like model, but if they doubt the possible temporality of an adjective, the choice of the predicate case is random.

Keywords: case acquisition, depictive construction, instrumental case, language acquisition, predicate adjective, secondary predicate, spoken language, verb of the change of state

Введение

Одной из наиболее изучаемых, но тем не менее дискуссионных проблем современной русистики является распределение форм именительного и творительного падежей при оформлении предикативных имен¹, в частности предикативных имен прилагательных. Несмотря на то, что данный вопрос привлекает внимание исследователей с середины XIX в.², единого или общепринятого решения пока выработать не удалось. Среди предлагаемых факторов, оказывающих возможное влияние на выбор формы именительного предикативного (далее — ИП) или творительного предикативного (далее — ТП), назывались такие семантические факторы, как постоянство или временный характер признака [РГ 1980; Тимберлейк 1985], степень ограниченности признака [Filip 2001; Hinterhoelzl 2001], семантические свойства субъекта и предиката [Арутюнова, Ширяев 1983; Никольс 1985; Руде 2005; Гиро-Вебер 2007; Кузнецова, Рахилина 2010; 2014], прагматико-коммуникативные и стилистические факторы [Всеволодова 2000; Зельдович 2005; Никитина 2011], синтаксические факторы, например синтаксическая структура высказывания [Мразек 1960; Клобуков 1986; Bailyn 2001; Руде 2005; Babby 2009], и др. Тем не менее все эти работы объединяет использованный авторами для анализа языковой материал, который в основном состоял из образцов письменной речи, относящихся к публицистическому, художественному или научному стилям³.

В данной работе анализ основан на материале устной речи детей в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев, полученном в ходе проведения серии экспериментов. К этому возрасту в детской речи уже присутствуют все части речи, дети уже владеют основными морфологическими категориями, однако еще продолжается развитие падежной семантики (особенно формирование периферийных падежных значений) и расширение репертуара используемых синтаксических структур [Гвоздев 1981; Цейтлин 2000; Сизова 2009; Eisenbeiss et al. 2009; Воейкова 2011; Елисеева 2014]. Привлечение для изучения распределения падежных форм предикативных имен данных детской речи, которая относится к так называемому «отрицательному языковому материалу» [Щерба 1974] и отражает процесс усвоения языковой системы, может способствовать выявлению факторов, остающихся скрытыми при анализе художественных текстов или устной речи взрослых

¹ В лингвистической литературе также используются такие наименования этого явления, как «предикативный детерминант» [Мразек 1960], «предикативное определение» [Клобуков 1986], «предикативный бином V + N» [Камышева 1994], «квалитативные высказывания» [Воейкова 2011] и др.

² Эволюцию предлагаемых в отечественной и зарубежной науке подходов к решению см. в [Котов 2011].

³ В некоторых работах, например [Никольс 1985] или [Зельдович 2005], где рассматривалось влияние стиля на выбор падежной формы, разговорный стиль упоминался в качестве своеобразного «отрицательного материала» для подтверждения тех или иных гипотез, объясняющих примеры письменной речи, однако никогда не оказывался в фокусе анализа.

носителей языка. Кроме того, специфика анализируемого материала (устные однотипные извлеченные неподготовленные тексты) позволяет минимизировать возможные семантические различия, так как дети рассказывают одну и ту же историю в одинаковых экспериментальных условиях.

В фокусе внимания находятся депиктивные конструкции, состоящие из глагола мены состояния *стать* и предикативного прилагательного. По мнению Ю. Л. Кузнецовой и Е. В. Рахилиной, такие конструкции, включающие в себя глагол с обязательной валентностью на признак, являются прототипической конструкцией этого типа, однако в большинстве работ по изучению предикативного имени они практически не рассматриваются⁴ [Кузнецова, Рахилина 2014]. Исторически такие глаголы, традиционно называемые «полу-связочными», образовались в результате переосмысления семы ‘возникновение признака, модифицирующего сферу субъекта’ [Камышева 1994], приобретая свои специфические семантические, прагматические и синтаксические черты.

Особый интерес для анализа представляет тот факт, что эти конструкции допускают употребление предикативного имени в обоих падежах — и в именительном, и в творительном, а рассматриваемый экспериментальный материал показывает, что в детской речи частота употребления обоих падежей при глаголе *стать* практически совпадает — 49 % от общего числа анализируемых конструкций содержит ТП и 51 % — ИП. Такое, на первый взгляд, случайное распределение отражает переломный этап в формировании языковой системы, когда дети формулируют для себя правила употребления в речи сходных конструкций, однако анализ таких переломных моментов помогает выявить закономерности развития языка в целом [Сизова 2009] и понять принципы выбора одной из возможных падежных форм, действующих в современном русском языке.

Статья имеет следующую структуру. Во введении обосновывается рассматриваемая проблема, в разделе 1 анализируются предлагаемые отечественными и зарубежными исследователями факторы для объяснения распределения падежных форм при оформлении предикативного прилагательного. Раздел 2 посвящен описанию методики сбора и анализа языкового материала, который детально характеризуется и обсуждается в разделе 3. В заключении подводятся итоги проведенного анализа.

1. Факторы, влияющие на выбор падежной формы

На протяжении многих лет лингвисты не оставляли надежды сформулировать некие абсолютные правила употребления ТП и ИП в современном русском языке, пока не пришли к выводу, что для любого анализируемого случая всегда можно привести столь значительное число контрпримеров, что, по-видимому, какого-либо инварианта не существует [Гиро-Вебер 2007], а многие примеры следует анализировать исходя из предпочтительности выбора того или иного падежа [Зельдович 2005].

Возможность оформления предикативного имени двумя падежами отражает некоторую избыточность языковой системы, которая, по предположению М. Гиро-Вебер, является следствием одновременного сосуществования двух моделей — устаревшей и более современной [Гиро-Вебер 1996; 2007].

Изменение падежной системы и творительного падежа в частности, затрагивающее и семантическую трансформацию, и синтаксическую дистрибутивность, прослеживается на протяжении всей истории русского языка. По свидетельству С. Б. Бернштейна [1958], выдающийся славист рубежа XIX—XX вв. И. В. Ягич предполагал, что ТП развился из творительного превращения, чье исходное значение практически вытеснено в современном русском языке сравнительной конструкцией с союзом *как* [Rakhilina, Tribushinina 2010]. Как отмечает К. И. Ходова, основное различие между творительным превращением и творительным

⁴ Подробная семантическая и синтаксическая классификация депиктивных конструкций представлена в [Himmelmann, Schultze-Berndt 2005].

сравнения заключается в мыслимой дистанции между субъектом и объектом сравнения, так как при превращении они мыслятся как нечто единое, а при сравнении — как две различные сущности, что синтаксически подчеркивается сравнительной союзной конструкцией⁵ [Ходова 1958]. В то же время значение превращения сохраняется в предикативных конструкциях с «полузнаменательными» (по терминологии Ходовой) глаголами *стать* и *сделаться*, однако в этих предикатах на первый план выходят значения, связанные с временным характером выражаемого признака. Вслед за работами В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой традиционная русская грамматика признавала различие между постоянным признаком, выражаемым ИП, и временным признаком, выражаемым ТП, основным фактором, влияющим на выбор падежа [Виноградов, Шведова 1964; РГ 1980].

Однако анализ языкового материала заставил исследователей обратить внимание на другие аспекты выражаемого значения. В работе [Селиверстова 1982] предлагается трактовать предикативную конструкцию с глаголами мены состояния как сочетание двух предикатов, выражающих процесс (в глаголе *стать*) и бытийный признак состояния (в предикативном имени), получая в качестве общего значения конструкции переход из одного состояния в другое. Подобная трактовка позволяет выделить еще несколько аспектов значения, присущих данной структуре, — это, в первую очередь, актуальность, характеризующая состояние, и постоянность, характеризующая свойство [Апресян 1979]. При актуализации какого-либо признака в результате превращения выявляется также, с одной стороны, значение «начинательности», т. е. возникновения нового состояния, а с другой стороны, значение завершенности самого процесса изменения⁶ [Никитина 2011]. Такая семантическая многоплановость приводит к неизбежному единению конструкции, при которой каждый ее элемент теряет свое самостоятельное значение [Камышева 1994].

Потеря самостоятельного значения привела к предположению о немаркированности ТП в современном русском языке. Продолжая предложенное Е. Куриловичем [1962] разделение приглагольных падежей на грамматические и конкретные, Р. Мразек [1960] утверждает, что именно при анализе творительного падежа необходимо тщательно различать его семантическое и чисто синтаксическое употребление. По его мнению, ТП теряет какое-либо семантическое значение, его форма полностью обусловлена глаголом, и в высказывании ТП выполняет функцию объекта, а его семантическая пустота подчеркивается строгими ограничениями на его обязательность при нефинитных формах глагола⁷ [Там же].

Признание отсутствия собственного значения у ТП и формализации его применения повлекло за собой предположение о существенном влиянии на условия его употребления синтаксических и коммуникативно-прагматических факторов. В рамках генеративной грамматики Дж. Бейлин обосновывает выбор между формами ТП и ИП действием исключительно синтаксических факторов, признавая эти конструкции семантически тождественными [Bailyn 2001]. В то же время Л. Бэбби, оспаривая предлагаемую Бейлином трактовку, утверждает, что форма ТП не содержит падежных признаков и является застывшим, фиксированным компонентом конструкции [Babby 2009] (русс. пер. — [Бабий 2014]).

Иные несемантические факторы, влияющие на выбор падежных форм, предлагают сторонники прагматического и коммуникативного подходов. С точки зрения Г. М. Зельдовича [2005], выбор ТП обосновывается прагматически вследствие отрицания наличия таких

⁵ Развивает эту мысль Анна А. Зализняк, указывая, что творительный превращения является переходной стадией между творительным сравнения и ТП, поскольку последний выражает уже достигнутое тождество между двумя сущностями, в отличие от творительного сравнения, отражающего всего лишь их подобие [Зализняк 2013].

⁶ К. Ричардсон указывала на временную соотнесенность (*tense*) первичного и вторичного предикатов в случае употребления ИП и на их аспектуальную соотнесенность (*aspect*) в случае употребления ТП, который подчеркивает совершенство какого-либо изменения [Richardson 2001].

⁷ В работе 1964 г. Мразек указывал, что именно ТП, в отличие от ИП, является маркированным членом оппозиции, выражающим достигнутый субъектом действия результат (цит. по [Гиро-Вебер 2007]).

свойственных ИП значений, как наблюдаемость и изолированность, при этом значение самого признака оказывается несущественным. По мнению Р. Руде [2005], само появление ТП, управляемого падежа, актуализирует предикативность конструкции, в отличие от ИП, при котором не всегда очевидна граница между его предикативным и согласованным употреблением⁸. В таких случаях ключевым фактором выбора падежной формы является коммуникативная функция подлежащего (его тематичность) и тип синтаксической связи между глаголом и предикативным именем.

Таким образом, история употребления и изменений в интерпретации принципов распределения ТП и ИП позволяет сделать вывод о наличии процесса своеобразного «грамматического дрейфа» [Урманчиева 2006; 2015] предикативной конструкции с глаголамимены состояния. Ее значение является результатом взаимодействия составляющих ее элементов, причем, как отмечают Кузнецова и Рахилина, семантика глагола и семантика прилагательного взаимно ограничивают друг друга: «Прототипические глаголы допускают любые прилагательные, а прототипические прилагательные существенно расширяют класс допустимых глаголов» [Кузнецова, Рахилина 2014: 205]. Противопоставленная ей «квазисинонимичная» (по терминологии Кузнецовой и Рахилиной) конструкция с согласованным прилагательным (ИП) выбирается говорящим под влиянием контекста, исходя из прагматических параметров (модальность, вовлеченность и т. д.) или коммуникативных причин (актуальность, тематичность и т. д.).

Тем не менее очевидно, что нельзя полностью опровергнуть влияние какого-либо из предлагаемых факторов, так как многочисленные примеры могут интерпретироваться по-разному в зависимости от лингвистического контекста [Ревзин 1978], ситуации коммуникации [Filip 2001] или стиля [Никольс 1985]. Для анализа их взаимодействия требуется обращение к более широкому материалу, отражающему различные сферы функционирования языка.

2. Материал анализа

Для проведения анализа методом сплошной выборки были отобраны примеры употребления депиктивной конструкции «*стать* + прилагательное в творительном или именительном падеже» из 93 устных неподготовленных связных рассказов детей-монолингвов в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев (40 девочек и 53 мальчика). Все дети посещают районные детские сады г. Санкт-Петербурга, русский язык для всех родной, развитие речи соответствует норме. С каждым ребенком эксперимент проводился индивидуально, ход проведения эксперимента фиксировался при помощи аудио- и видеозаписи. Сами тексты были получены при проведении эксперимента по методике извлеченного рассказа по картинкам⁹. В качестве экспериментального материала использовалась книга В. Сутеева «Три котенка» с рисунками автора¹⁰. Всего в книге 15 рисунков. Главные герои этой сказки — белый, серый и черный котята — постоянно попадают в разные неприятности: пытаются поймать мышку, попадают в банку с мукой и все становятся белыми; пытаются поймать лягушку, залезают в трубу и все вылезают из нее черными; а пытаются поймать рыбку, падают в воду и вылезают из нее мокрыми, после чего высыхают и возвращаются к своей первоначальной окраске.

Таким образом, за время повествования котята три раза меняют цвет и один раз меняют «качество», становясь мокрыми. Именно в этих эпизодах говорящий и может употребить рассматриваемую конструкцию.

⁸ Ср. данные детской речи, показывающие, что в первых содержащих прилагательное высказываниях точное определение его функции затруднительно [Воейкова 2011; Елисеева 2014].

⁹ Подробный анализ методики извлеченного устного рассказа см. в [Федорова 2014].

¹⁰ Данный эксперимент проводился в рамках исследования процессов усвоения семантико-синтаксической структуры русского глагола детьми в возрасте от 2 лет 7 месяцев до 7 лет 6 месяцев. Исследование включает в себя анализ семантической и синтаксической структуры глагольных клауз в устных неподготовленных извлеченных текстах детей разных возрастных групп [Эйсмонт 2017].

При проведении эксперимента оказалось, что многие дети читали эту книжку с родителями или смотрели мультфильм, однако в оригинальном тексте Сутеева глагол *стать* употребляется только один раз и в другой конструкции:

(1) *По дороге они обсохли и стали как были: черный, серый и белый.*

Таким образом, все обнаруженные в текстах детей конструкции «*стать* + предикативное прилагательное» являются примерами оригинальной речевой продукции ребенка.

Всего было выделено 105 таких конструкций, однако в трех из них глагол стоял в форме инфинитива, при которой возможно употребление только ТП, поэтому из дальнейшего анализа эти конструкции были исключены. В итоге окончательный список анализируемых единиц составил 102 конструкции, в 48 из них был употреблен ТП и в 54 — ИП¹¹.

Также в анализе использованы данные устного подкорпуса [НКРЯ], в котором методом сплошной выборки были отобраны следующие конструкции (во всех случаях расстояние между словоформами от 1 до 2):

- *стать* + прилагательное в творительном падеже
- *стать* + прилагательное в именительном падеже
- прилагательное в именительном падеже + *стать*
- прилагательное в творительном падеже + *стать*

Всего было обнаружено 1950 примеров, из которых после исключения «шума»¹² было отобрано 943 примера, содержащих рассматриваемую предикативную конструкцию, из них только в 849 случаях была употреблена личная форма глагола, допускающая и ТП, и ИП.

3. Депиктивная конструкция в устной детской речи

Назвать точный возраст появления в речи детей, усваивающих русский язык, той или иной конструкции нельзя, однако анализ дневниковых записей М. Б. Елисеевой [2008] и записей спонтанной речи русскоязычных детей, представленных в базе CHILDES [MacWhinney, Snow 1990], показывает, что депиктивная конструкция с глаголом *стать* появляется в речи русскоязычных детей не раньше 2 лет 4 месяцев. Первый же зафиксированный пример из текстов речи Вари П. в 2 года 4 месяца и 14 дней иллюстрирует проблему выбора падежного оформления предикативного прилагательного (М — мать, Р — ребенок; курсив мой)¹³:

(2) М: И как ты будешь учиться?

Р: Но только ты *большой* уже *стала*, как это как...

Р: Как и лампа, я *стала* *большая* такая.

Употребление в собственной речи конструкции, выражающей изменение состояния или признака объекта, семантически связанного с процессами превращения или сравнения,

¹¹ Для достоверности определения падежа каждый пример прослушали три взрослых носителя русского языка, поскольку известно, что в устной речи окончания в значительной степени редуцируются (см. о редукации в устной речи, например, [Риехакайнен 2016]).

¹² К «шуму» относились случаи случайного соположения не связанных синтаксически глагола и прилагательного, глагол *стать* в инфинитивной конструкции, случаи омонимии прилагательного с существительным и т. д.

¹³ В текстах Вари П. встретились еще две депиктивные конструкции с глаголом *стать*, являющиеся самостоятельной речевой продукцией ребенка, а не повтором произнесенного взрослым собеседником высказывания (в 2 года 4 месяца и в 2 года 10 месяцев). В обоих случаях был употреблен именительный падеж.

свидетельствует о развитии у ребенка воображения и не может предшествовать становлению сопутствующих когнитивных механизмов. Первые игры и активность ребенка, затрагивающие воображение и преобразование предмета, первые сознательные творческие языковые эксперименты (например, переименования) возникают не ранее двух с половиной лет [Елисеева 2014].

К четвертому году жизни базовые лингвистические знания, необходимые для порождения депиктивной конструкции, у ребенка уже сформированы. Дети овладевают категорией качества, выражаемой в первую очередь именами прилагательными, в возрасте от 2 до 3 лет. Сравнительно позднее овладение именно этой категорией обусловлено сложностью когнитивных операций, необходимых для выявления отвлеченных свойств объектов, анализа имеющихся признаков и сопоставления их друг с другом. Предикативная качественность, выраженная конструкцией с предикативным полным прилагательным, может выражать целый спектр классифицирующих (в первую очередь, дифференцирующих) значений, выбор которых зависит от используемого глагола [Воейкова, Пупынин 1996; van der Auwera, Malchukov 2005]. М. Д. Воейкова [2011], изучив обращенную к ребенку речь матери, отмечает, что взрослые стараются подстраиваться к уровню когнитивного развития ребенка, что отражается не только в используемых в речи синтаксических структурах, но и в количестве и семантическом разнообразии употребляемых ими прилагательных.

Первые наименования признаков появляются в речи детей около 1 года 8 месяцев [Гвоздев 1981; Воейкова 2011; Елисеева 2014]. По замечанию С. Н. Цейтлин [2000], парадигма прилагательного усваивается достаточно легко, а падежное маркирование именных групп вызывает затруднения на раннем этапе до трехлетнего возраста. Однако в первую очередь усваиваются формы именительного падежа, преобладающие в речи матери, и так называемые «тавтологические падежи» — падежи, в которых флексии существительного и согласованного прилагательного совпадают¹⁴ [Воейкова 2011]. Синтаксическая структура, состоящая из существительного — носителя признака и прилагательного — самого признака, появляется на этапе первых двусловных высказываний, синтаксические структуры с именным предикатом входят в речь ребенка уже до трехлетнего возраста [Елисеева 2014]. Как показало исследование О. Б. Сизовой [2009], на ранних этапах выбор падежной флексии в адъективном словосочетании регулируется синтагматически, что часто приводит к межпадежным замещениям.

Для проведения анализа были отобраны высказывания, имеющие следующую базовую синтаксическую структуру (как с выраженным, так и с эллиптированным субъектом):

(3) [S_{Pron/N}] — V_{смабь} — Adj_{Nom/Inst}

Высказывания с эллиптированным глаголом в анализ не включались, так как они появлялись в качестве ответной реплики на высказывание экспериментатора и выбор падежной формы прилагательного во всех случаях повторял падеж, употребленный в исходном высказывании взрослым, например (Э — экспериментатор, Р — ребенок, Филипп, 4 года 2 месяца)¹⁵:

(4) Э: А что сделала мышка?

Р: Убежала. Вот!

Э: Да, действительно. И они стали белыми, а потом?

Р: Чёрными!

В анализируемом экспериментальном материале в депиктивных конструкциях встретилось семь качественных имен прилагательных и одно местоименное прилагательное (табл. 1).

¹⁴ К таким падежам относится в русском языке, в частности, творительный.

¹⁵ Во всех случаях, когда депиктивная конструкция встречалась в речи экспериментатора, обращенной к ребенку, в ответной реплике ребенка глагол оказывался эллиптированным.

Таблица 1

Прилагательные, употребленные в депиктивных конструкциях

Имя прилагательное	Общее количество	Падеж	
		Именительный	Творительный
Цветовые			
<i>Белый</i>	45	26	19
<i>Черный</i>	36	19	17
<i>Серый</i>	14	11	3
Качества других лексико-семантических разрядов			
<i>Мокрый</i>	15	10	5
<i>Сырой</i>	1	0	1
<i>Смешной</i>	1	1	0
<i>Мягкий</i>	1	0	1
Местоименное прилагательное			
<i>Такой</i>	8	1	7
Итого	121 ¹⁶	68	53

Все эти качественные прилагательные относятся к разным лексико-семантическим разрядам, однако все они усваиваются одними из первых [Елисеева 2014]. Цвет является постоянным признаком, свойственным объекту, но под влиянием контекста он может расцениваться как «контекстно-временной признак»¹⁷ [Кузнецова, Рахилина 2014]. Конструкция с глаголом *стать*, подразумевающая изменение состояния, является тем самым контекстом, который «навязывает» признаку временный характер и, как следствие, провоцирует употребление предикатного имени в форме творительного превращения. Дополнительная сложность заключается в том, что для понимания изменчивости какого-либо признака необходима исходная точка (ср. понятие *cognitive reference point* в когнитивной лингвистике), по сравнению с которой и возможно оценивать произошедшие перемены¹⁸. Для определения цвета такой точкой отсчета является прототип данной цветовой категории [Грибушина 2008], однако в данном случае нестабильность цвета отражается не в его качестве, не в степени выраженности признака, а в резкой смене признака во времени.

Характеризуя изменения в цвете котенка, детям надо было выбрать определенную точку отсчета, начальное состояние объекта. С этой задачей справились не все. Трое испытуемых никак не отразили происходившие с котятами и мышкой изменения в цвете, решив, что в рассказе действуют разные мышки и разные котята (Э — экспериментатор, Р — ребенок, Миша, 4 года 2 месяца):

- (5) Р: Котик себе залез туда, и еще одна мышка!
 Э: Ты думаешь, это другая мышка?
 Р: Да, это белая.

¹⁶ Число прилагательных превышает число конструкций, так как в некоторых конструкциях было употреблено сразу несколько прилагательных, например: *Они здесь уже стали белым, и серым, и черным.*

¹⁷ Ярким примером этого является известная шуточная загадка про смородину: «Она черная? Нет, красная. А почему белая? Потому что еще зеленая!»

¹⁸ Вся система имен прилагательных на ранних этапах усвоения построена как система противопоставлений признаков в рамках одной семантической категории (*маленький — большой, высокий — низкий*), и для понимания этих противопоставлений ребенок с самого начала сталкивается с необходимостью выработки некоторой точки отсчета, отражающей «стандартное» состояние признака [Ященко 2007].

Выбор разных точек отсчета помогает объяснить и выбор разных падежных форм. Так, выбрав в качестве точки отсчета первичное состояние, ребенок употребляет ТП, подчеркивая временность данного признака, а выбрав в качестве точки отсчета нынешнее, новое состояние, ребенок использует ИП, подчеркивая актуальность этого нового качества. Это подтверждает высказывание (6) (Максим, 4 года 1 месяц):

- (6) [Рыбка нырнула, а котята за ней. Она вынырнула, а сами стали мокрыми. И они пошли сушиться.] Потом посушились и *стали такими же*, как и были: *белый, черный и серый*.

Здесь ТП показывает изменение состояния котят в сравнении с предыдущим состоянием (*мокрые*), а ИП отсылает к самому началу рассказа к их исходному, т. е. постоянному, цвету.

Синтаксическая структура анализируемых депиктивных конструкций различается порядком слов (табл. 2).

Таблица 2

Линейное расположение глагола и предикативного прилагательного разной семантики

Порядок слов ¹⁹	Цвет	Другие качества
Стать + ТП	32	10
ТП + <i>стать</i>	6	0
Стать + ИП	32	7
ИП + <i>стать</i>	9	6
Итого	79	23

Проведенный статистический анализ сопряженности факторов с использованием критерия Пирсона показал, что разница в использовании ИП и ТП в структурах с разным порядком слов оказывается значимой для прилагательных со значением качества различных лексико-семантических разрядов ($\chi^2 = 6,244$, $df = 1$, $p < 0,05$), но не является значимой для прилагательных со значением цвета ($\chi^2 = 0,487$, $df = 1$, $p > 0,05$). Дополнительная проверка статистической взаимосвязи факторов по коэффициенту Крамера подтвердила полученные результаты, показав несущественную силу связи у прилагательных со значением цвета ($V = 0,078$) и относительно надежную силу связи у прилагательных со значением качества различных лексико-семантических разрядов ($V = 0,521$).

Для сопоставления этих данных с распределением порядка слов и падежей в депиктивных конструкциях, свойственным современному русскому языку, был проведен анализ устного подкорпуса НКРЯ. 849 примеров употребления депиктивной конструкции, состоящей из финитной формы глагола и предикативного прилагательного, распределились следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Зависимость выбора падежной формы предикативного имени от порядка слов

Порядок слов	Количество
Стать + ТП	457
ТП + <i>стать</i>	67
Стать + ИП	128
ИП + <i>стать</i>	197
Итого	849

Проведенный анализ показал наличие статистически значимой взаимосвязи между выбором падежной формы предикативного имени и линейным расположением глагола

¹⁹ Как было указано выше (раздел 3), рассматривались только конструкции с финитными глагольными формами, допускающими употребление обоих падежей.

и прилагательного: $\chi^2 = 216,480$, $df = 1$, $p < 0,01$ (коэффициент Крамера $V = 0,505$, т. е. сила связи относительно сильная).

Такие результаты для устного подкорпуса, отличающиеся от проанализированных в [Кузнецова, Рахилина 2014] данных основного корпуса НКРЯ, подтверждают важность коммуникативной структуры высказывания для выбора падежной формы [Всеволодова 2000]. При прямом порядке слов коммуникативным центром высказывания является глагол, т. е. процессмены состояния, и прилагательное выступает в форме творительного падежа; в отличие от этого при обратном порядке слов коммуникативно выделенным оказывается прилагательное, т. е. возникший признак, которое оформляется при помощи именительного падежа.

Сравнение данных детских рассказов с данными НКРЯ, а именно тот факт, что для прилагательных со значением качества различных лексико-семантических разрядов статистически значимым фактором так же, как и в устном подкорпусе НКРЯ, оказывается порядок слов, показывает, что к данному возрасту дети уже усвоили принципы распределения ТП и ИП для тех прилагательных, которые допускают временный характер обозначаемого признака. Отсутствие же статистически значимых различий в распределении ТП и ИП в прилагательных, обозначающих цвет объекта, указывает, что дети пока не способны осознать темпоральное (преходящее) значение цветовой характеристики и сомневаются в выборе падежной формы, выбирая «дефолтный» ИП столь же часто, сколь и свойственный «взрослой» речи ТП.

Таким образом, по-видимому, в русском языке существует четыре «квазисинонимичных» депиктивных конструкции, различающихся синтаксически (линейный порядок следования глагола и предикативного имени), семантически (временность или актуальность признака) и прагматически (коммуникативный акцент либо на процессе, либо на признаке²⁰) (табл. 4).

Таблица 4

Четыре депиктивные конструкции в современном устном русском языке

Конструкция	Свойства		
	Семантические	Синтаксические	Коммуникативные
<i>Стать</i> + ТП	временный признак	V + Adj _{Inst}	акцент на процессемены
ТП + <i>стать</i>	временный признак	Adj _{Inst} + V	акцент на признаке
<i>Стать</i> + ИП	актуальный признак	V + Adj _{Nom}	акцент на процессемены
ИП + <i>стать</i>	актуальный признак	Adj _{Nom} + V	акцент на признаке

Дети овладевают этими конструкциями по очереди, в зависимости от уровня когнитивного развития и степени усвоения коммуникативных свойств высказывания и разнообразия синтаксических структур. Осложняется этот процесс тем, что реализующееся в депиктивной конструкции падежное значение отличается от ранее усвоенных базовых значений соответствующих синтаксем и оказывается в сильной семантической зависимости от глагола, который вошел в активный лексикон ребенка сравнительно недавно. По-видимому, сталкиваясь с новой, не до конца изученной конструкцией, дети выбирают дефолтную падежную форму, т. е. форму именительного падежа [Гвоздев 1981; Eisenbeiss et al. 2009]. Как справедливо отмечает Воейкова [2011], взрослые не совершают ошибок в выборе одной из четырех конкурирующих конструкций, руководствуясь языковой интуицией, а дети в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев находятся еще только на одном из начальных этапов ее формирования.

Заключение

Проведенный анализ материалов детской речи позволил обозначить взаимосвязь между различными факторами, влияющими на выбор говорящим ТП или ИП. Анализ подтвердил,

²⁰ Ср. принцип несинонимичности, сформулированный А. Голдберг, о необходимом различии конструкций во всех трех аспектах — синтаксическом, семантическом и прагматическом [Goldberg 1995].

что эти факторы, как и указывалось ранее (например, в [Гиро-Вебер 1996]), относятся к семантическому, синтаксическому и прагматическому (коммуникативному) аспекту и действуют одновременно, определяя выбор из четырех «квазисинонимичных» депиктивных конструкций.

Выбор одной из конкурирующих конструкций ребенком в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев зависит в первую очередь от значения самого прилагательного и способности ребенка допустить временный (преходящий) характер обычно постоянного признака. Статистический анализ подтвердил, что в тех случаях, когда дети принимают возможность временного характера признака, они руководствуются теми же принципами, что и взрослые носители языка, ориентируясь при выборе падежной формы на коммуникативную значимость либо признака, либо процесса мены признаков. В случае же, когда ребенок испытывает затруднения с представлением определенного признака, например цвета, как контексто-временного, он отдает предпочтение прямому порядку слов, а распределение падежных форм носит, на первый взгляд, случайный характер. Однако в данном случае обнаруживается зависимость падежной формы от точки отсчета, выбранной ребенком для понимания изменения постоянного признака объекта. Эта точка отсчета, отражающая значимость для говорящего либо нового признака, либо предыдущего состояния объекта, вероятно, является предшественником развития коммуникативного членения высказывания, поскольку зависит от актуальности признака для говорящего в момент речи. Тем не менее в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев дети еще учатся использовать языковые средства выражения коммуникативной значимости, что приводит к появлению таких «смешанных» высказываний, как (7) (София, 4 года 1 месяц):

(7) Они уже попали туда, и стала мышка *белой*, и они стали *белые*.

Выравнивание системы происходит у ребенка постепенно под влиянием узуса и в результате развития понимания многогранной семантики прилагательных через расширение усвоенной одной из первых бытийной схемы на другие отражающие признак или его изменение конструкции. Полностью осваивая категориальную ситуацию качественности, ребенок формирует систему существующих в языке готовых схем и научается употреблять их в речи, исходя из особенностей их прагматического и семантического содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1979 — Апресян Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1979. С. 500—543. [Apresjan Yu. D. English synonyms and the dictionary of synonyms. *Anglo-russkii sinonimicheskii slovar'*. Moscow: Russkii Yazyk, 1979. Pp. 500—543.]
- Арутюнова, Ширяев 1983 — Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: Бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык, 1983. [Arutyunova N. D., Shiryayev E. N. *Russkoe predlozhenie: Bytiniyi tip (struktura i znachenie)* [The Russian sentence: Existential type (structure and meaning)]. Moscow: Russkii Yazyk, 1983.]
- Бабий 2014 — Бабий Л. Синтаксис аргументной структуры. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. [Babby L. *Sintaksis argumentnoi struktury* [Syntax of argument structure]. St. Petersburg: Philology Department of St. Petersburg State Univ., 2014.]
- Бернштейн 1958 — Бернштейн С. Б. (отв. ред.). Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. [Bernstein S. B. (ed.). *Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh* [The instrumental case in Slavic languages]. Moscow: Academy of Science of the USSR Publ., 1958.]
- Виноградов, Шведова 1964 — Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М.: Наука, 1964. [Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu. (eds.). *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka* [Essays on the historical grammar of the XIX century Russian literary language]. Moscow: Nauka, 1964.]
- Воейкова, Пупынин 1996 — Воейкова М. Д., Пупынин Ю. А. Предикативная качественность // Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность.

- СПб.: Наука, 1996. С. 53—64. [Voieikova M. D., Pupyryn Yu. A. Predicative qualitiveness. *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1996. Pp. 53—64.]
- Воейкова 2011 — Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. Москва: Знак, 2011. [Voieikova M. D. *Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka* [Early stages of the Russian nominal morphology acquisition by children]. Moscow: Znak, 2011.]
- Всеволодова 2000 — Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 2000. [Vsevolodova M. V. *Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [A theory of the functional-communicative syntax]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2000.]
- Гвоздев 1981 — Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. [Gvozdev A. N. *От первых слов до первого класса. Dnevnik nauchnykh nablyudenii* [From the first words till the first form. A diary of scientific observations]. Saratov: Saratov Univ. Publ., 1981.]
- Гиро-Вебер 1996 — Гиро-Вебер М. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке // Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 65—79. [Guiraud-Weber M. A bisynchronous method of description of the adjective in the predicative position in Modern Russian. *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1996. Pp. 65—79.]
- Гиро-Вебер 2007 — Гиро-Вебер М. Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs. Тв.»? // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 18—26. [Guiraud-Weber M. Noun in nominal predicate function in Modern Russian: Is it still possible to talk about the semantic opposition of «Nom. vs. Inst.»? *Voprosy jazykoznanija*. 2007. No. 1. Pp. 18—26.]
- Елисеева 2008 — Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. [Eliseeva M. B. *Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta* [Phonetic and lexical development of the infant]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 2008.]
- Елисеева 2014 — Елисеева М. Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Eliseeva M. B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka. Rannie etapy* [Formation of the child's individual language system. Early stages]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2014.]
- Зализняк 2013 — Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Zaliznyak Anna A. *Russkaya semantika v tipologicheskoi perspektive* [Russian semantics in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2013.]
- Зельдович 2005 — Зельдович Г. М. Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 21—38. [Zel'dovich G. M. The Russian predicative noun: Coordinated form, instrumental case. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 4. Pp. 21—38.]
- Камышева 1994 — Камышева С. Ю. Формирование семантической структуры модуляционно-связочных глаголов в древнерусском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный ун-т, 1994. [Kamyшева S. Yu. *Formirovanie semanticheskoi struktury modulyatsionno-svyazochnykh glagolov v drevnerusskom yazyke. Avtoref. kand. diss.* [Formation of the semantic structure of modulation copulative verbs in Old Russian. Author's abstract of the cand. diss.]. Volgograd: Volgograd State Univ., 1994.]
- Клобуков 1986 — Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском языке (Введение в методику позиционного анализа). М.: Изд-во МГУ, 1986. [Klobukov E. V. *Semantika padezhnykh form v sovremennom russkom yazyke (Vvedenie v metodiku pozitsionnogo analiza)* [Semantics of case forms in Modern Russian (Introduction to the positional analysis technique)]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1986.]
- Котов 2011 — Котов А. А. Изучение русского предикативного прилагательного: неподведенные итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 1 (114). С. 49—52. [Kotov A. A. Studying of the Russian predicative adjective: Non-summarized results. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 1 (114). Pp. 49—52.]
- Кузнецова, Рахилина 2010 — Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Русские депиктивы // Рахилина Е. В. (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 159—183. [Kuznetsova Yu. L., Rakhilina E. V. Russian depictives. *Lingvistika konstruktii*. Rakhilina E. V. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010. Pp. 159—183.]

- Кузнецова, Рахилина 2014 — Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Депиктивы оказались удивительными // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2014. Т. 10. № 2. С. 180—218. [Kuznetsova Yu. L., Rakhilina E. V. Depictives turned out to be amazing. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2014. Vol. 10. No. 2. Pp. 180—218.]
- Курилович 1962 — Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. [Kurylowicz J. *Oчерki po lingvistike* [Essays in linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1962.]
- Мразек 1960 — Мразек Р. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа (на материалах русского языка) // *Sbornik prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity*. 1960. A 8. С. 41—52. [Mrazek R. *K voprosu o funkciyakh bespredlozhnogo tvoritel'nogo padezha (na materialakh russkogo yazyka)* [Functions of the non-prepositional instrumental case revisited (based on the materials of the Russian language)]. *Sbornik prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity*. 1960. A 8. Pp. 41—52. Available at: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/101258/A_Linguistica_08-1960-1_5.pdf]
- Никитина 2011 — Никитина Е. Н. Конструкции с именительным и творительным предикативным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий) // *Вопросы языкознания*. 2011. № 6. С. 3—28. [Nikitina E. N. Predicative nominative and predicative instrumental in Russian (on the problem of the interaction of grammatical categories). *Voprosy jazykoznanija*. 2011. No. 6. Pp. 3—28.]
- Никольс 1985 — Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Булыгина-Шмелева Т. В. (отв. ред.) *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 342—387. [Nichols J. Case variants of predicative nouns and their reflection in the Russian grammar. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. No. 15. Bulygina-Shmeleva T. V. (ed.) Moscow: Progress, 1985. Pp. 342—387.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ревзин 1978 — Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. [Revzin I. I. *Struktura yazyka kak modeliruyushchei sistemy* [The structure of language as a modelling system]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Риехакайнен 2016 — Риехакайнен Е. И. Восприятие русской устной речи: контекст + частотность. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2016. [Riekhakainen E. I. *Vospriyatie russkoi ustnoi rechi: kontekst + chastotnost'* [Perception of the Russian spoken language: Context + frequency]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2016.]
- Руде 2005 — Руде Р. Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2005. № 3. С. 80—101. [Roudet R. On the syntax of predicative adjective in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 3. Pp. 80—101.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. I. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Селиверстова 1982 — Селиверстова О. Н. (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. [Seliverstova O. N. (ed.). *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Сизова 2009 — Сизова О. В. Порождение именных форм в речи детей дошкольного возраста: взаимодействие синтагматического и парадигматического аспекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. [Sizova O. V. *Porozhdenie imennykh form v rechi detei doshkol'nogo vozrasta: vzaimodeistvie sintagmaticheskogo i paradigmaticeskogo aspekta*. Avtoreferat kand. diss. [Production of the noun forms in the speech of preschool children: The interaction of syntagmatic and paradigmatic aspects. Author's abstract of the cand. diss.]. Herzen State Pedagogical Univ., 2009.]
- Тимберлейк 1985 — Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в современном русском языке // Булыгина-Шмелева Т. В. (отв. ред.) *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 261—285. [Timberlake A. Invariance and syntactic properties of aspect in Modern Russian. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. No. 15. Bulygina-Shmeleva T. V. (ed.). Moscow: Progress, 1985. Pp. 261—285.]
- Урманчиева 2006 — Урманчиева А. Ю. «Грамматический дрейф»: семантическая эволюция грамматического показателя, не являющаяся грамматикализацией // *Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы*. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 164—167. [Urmanchieva A. Yu. «The grammatical drift»: Semantic evolution of the gram other than grammaticalization. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha. Materialy*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. Pp. 164—167.]

- Урманчиева 2015 — Урманчиева А.Ю. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей // Вопросы языкознания, 2015. № 6. С.54—77. [Urmanchieva A. Yu. How much impact can grammatical system have on the semantic evolution of grams. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 6. Pp. 54—77.]
- Федорова 2014 — Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Fedorova O. V. *Eksperimental'nyi analiz diskursa* [Experimental analysis of discourse]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Ходова 1958 — Ходова К. И. Творительный превращения и сравнения // Бернштейн С. Б. (отв. ред.) Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 181—192. [Khodova K. I. The instrumental case of transformation and comparison. *Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh*. Bernstein S. B. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. Pp. 181—192.]
- Цейтлин 2000 — Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. [Tseitlin S. N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi* [Language and child. Linguistics of the child speech]. Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2000.]
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24—39. [Shcherba L. V. On the triple aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 24—39.]
- Эйсмонт 2017 — Эйсмонт П. М. «Конduit»: корпус устных детских текстов // Захаров В. П. (отв. ред.) Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2017». СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2017. С. 373—377. [Eismont P. M. «Konduit»: A corpus of spoken children's texts. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika-2017»*. Zakharov V. P. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2017. Pp. 373—377.]
- Ященко 2007 — Ященко М. А. Усвоение ребенком семантики качественных прилагательных // Цейтлин С. Н. (отв. ред.) Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 300—316. [Yashchenko M. A. Acquisition of semantics of qualitative adjectives by the child. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi*. Tseitlin S. N. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. Pp. 300—316.]
- Van der Auwera, Malchukov 2005 — van der Auwera J., Malchukov A. A semantic map for depictive adjectivals. *Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives*. Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. Pp. 393—421.
- Babby 2009 — Babby L. H. *The syntax of argument structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Bailyn 2001 — Bailyn J. The syntax of Slavic predicate case. *ZAS Papers in Linguistics 22*. Jäger G., Strigin A., Wilder C., Zhang N. (eds.). Berlin: ZAS, 2001. Pp. 1—26.
- Eisenbeiss et al. 2009 — Eisenbeiss S., Narasimhan B., Voeikova M. D. The acquisition of case. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.) Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 369—383.
- Filip 2001 — Filip H. The semantics of case in Russian secondary predication. *Semantics and Linguistic Theory (SALT) XI*. Hastings R., Jackson B., Zvolenszky Z. (eds.). Ithaca: CLC Publications, Cornell Univ., 2001. Pp. 192—211.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Himmelmann, Schultze-Berndt 2005 — Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: An introduction. *Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives*. Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. Pp. 1—67.
- Hinterhoelzl 2001 — Hinterhoelzl R. Semantic constraints on case assignment in secondary adjectival predicates in Russian. *ZAS Papers in Linguistics 22*. Jäger G., Strigin A., Wilder C., Zhang N. (eds.). Berlin: ZAS, 2001. Pp. 99—112.
- MacWhinney, Snow 1990 — MacWhinney B., Snow C. The Child Language Data Exchange System: An update. *Journal of Child Language*. 1990. Vol. 17. No. 2. Pp. 457—472.
- Rakhilina, Tribushinina 2010 — Rakhilina E., Tribushinina E. The Russian instrumental-of-comparison: Constructional approach. *Slavic linguistics in a cognitive framework*. Grygiel M., Janda L. A. (eds.) Frankfurt: Peter Lang Verlag, 2010. Pp. 145—174.
- Richardson 2001 — Richardson K. What secondary predicates in Russian tell us about the link between tense, aspect and case. *ZAS Papers in Linguistics 26*. Zhang N. (ed.). Berlin: ZAS, 2001. Pp. 171—195.
- Tribushinina 2008 — Tribushinina E. *Cognitive reference points: Semantics beyond the prototypes in adjectives of space and colour*. Utrecht: LOT, 2008.